

Молочная кухня, 2

Начало [здесь...](#)

Причём первая часть вполне цельная, если не как молоко, то в смысле самодостаточности, и я бы не писал вторую, если бы в альбоме не осталось ещё несколько картинок.

Вторая часть, судя по черновику, более мрачная, ближе к чёрному молоку Целана, ну да...

Если в первой присутствует эрос, пусть и немного странный, весь этот советский промискуититет, возможно, избыточный... то во второй части танатос, тоже странный в свою очередь, но всё-таки... Плюс как бы сказать... проекции “внутреннего каннибализма”, как можно назвать процесс, в ходе которого мой внутренний рисовальщик почти съел уже писателя... На словах это не так уж мрачно и звучит, по-моему, даже весело, но на картинках...

Да, и вот же танатос... в отличие от эроса, который в первой части только в тексте, а на картинках ничего такого, их можно первоклассникам показывать... танатос во второй части и там и там... одна из картинок второй части, пытающаяся полностью оторваться от своей псевдородословной, от “римского милосердия”, вызвала жуткую реакцию у взрослой писательницы, которой я послал её, когда это нарисовалось, просто потому, что это она советовала посмотреть фильм, послуживший начальным импульсом хотя там этой сцены не было и в помине... Ну я рассказываю об этом дальше, см. ниже, когда до этой картинки доходит очередь... Она написала мне, что это для неё слишком. А я забыл об этом и когда написал через месяц комментарий, снова послал ей, как идиот, и тут уж она взмолилась, прочитав: “Это слишком для моих нервов. Не посылайте больше такого, пожалуйста”.

Начну вторую половину “Молочной кухни” с комментария к картинке, которая вошла в первую, она там третья по счёту, см. по ссылке в начале.

Девочка вываливается в море из бетономешалки. Я рисовал это, читая “My absolute darling” by Gabriel Tallent. Отец называет дочку и возлюбленную “kibble”, а я не знал этого слова и выбрал из предложенных словарём значений: “бетономешалка”, “бадья” ... Ну, потому что он там в каком-то месте говорит о жуткой пустоте, которая звенит внутри у неё и которая его пугает, ну есть там такой его монолог, который подтвердил как будто мой выбор.

Я удивлялся чересчур вычурному имечку, но припомнив, как сто лет назад на черноморском пляже слышал, как мужчина называет свою женщину “макитрой”... а мне казалось, что “макитрой” называли тогда и бадью для бетона... в общем, это мимолётное воспоминание транзитивно примирило меня с отцовским прозвищем героини Таллента, маленькой худенькой девочки, которая, впрочем, сама предпочитала называть себя Черепахой, а где Черепаха, там и...

Где-то уже ближе к концу книги мне стало ясно, что я выбрал не ту коннотацию, что имеется в виду не *concrete kibble*, а сухой корм для кошек или собак. Это подтвердили потом какие-то статьи о книге, то ли в *The Guardian*, то ли в *New-York Times*, в которых это тематизировалось, отец, называющий дочку “кормом”, ну да... Но моя картинка уже была нарисована *concret’но*, и у меня на медленном огне, но всё-таки, всё-таки... потихоньку стал складываться, как мне показалось, текст-альбом, вот... и глянув на эту картинку... я понял, что она ложится в пазл вместе с эхом от удара кулака или камня по молочной бочке.

В бухте, о которой я писал в первой части, бывало, падали камни с прибрежных скал, звук был бы одинаковый, если бы там стояла бочка ли, бадья... Да, и потом ещё нарисовалась, как вы видели (я не повторяю здесь эти картинки в надежде, что вы заглянули по ссылке на *prostory*), машина-бетономешалка, к которой выстроилась очередь близнецов с бидончиками... да и вообще, молоко и раствор там как-то так перемешались, в первой части... что “*your absolute kibble*”, как я назвал было эту картинку в фейсбуке, вошла в “Молочную кухню”, на мой взгляд, просто-таки заподлицо.

Я был рад, что не воплотил первоначальный замысел: не нарисовал на вершине обрыва отца девочки с винчестером или из чего он там в неё палил, да и ей в руку я ведь думал вложить автоматическую винтовку... но всё это, к счастью, осталось за бортом и переводная картинка-казус легко отделилась от своей казуальности.

И тогда уже, если речь в этом вступлении ко второй части зашла о переводах в первой части, ещё два слова... На предпоследней картинке в первой части проступают над огнём немецкие слова, написанные молоком.. Это почти абракадабра, “В поисках утраченного”, ну да, но не млечного времени или там пути... а какой-то “всеобщей эйфории”, которая, впрочем, возникла только из-за созвучия со словом “эфой””, но неважно, из какого сорняка... т.е. “плюща” по-немецки, при этом “гемайне эфой” это разновидность плюща и в то же время гемайне — общий (в том числе), т. е. вот как первая часть передаёт эстафету второй — она даёт ей второе название и надежду на второе дыхание):

В поисках утраченной эйфории общего плюща

По периметру картинки в самом деле вьётся плющ, а вишенки на нём просто потому, что молочным супом кота, который играет “Оду к эйфории”, потчует не кто иной, как Фирс.

Всё это в хижине, которая стояла возле моего дома, а теперь есть только вот [в этом тексте-альбоме](#), почти в самом конце.

2.

“По причине моего вечного бегства из пионерлагерей я отдыхал всегда с родителями, это была моя первая самостоятельная поездка. Нет, ну на какие-то экскурсии я ездил, но на такой долгий срок впервые. Путёвка была на две недели. Это не значит, кстати, что я был таким уже маменькиным сынком, я просто не мог переносить пионерлагерь, это было довольно иррационально, потому что ничего плохого, насколько я помню, со мной там

никогда не происходило. Тем не менее, на третий ли, на пятый ли день я обязательно бежал.

Полностью я не отбыл ни одну смену, так что эта поездка была для меня, как ни странно, если вспомнить моё поведение в школе, во дворе, в подъездах, в квартире одной одноклассницы... первой длительной поездкой без родителей. Но я уже был взрослый, более того: наверно, никогда я не чувствовал себя таким взрослым, как в то лето. И мне теперь нравилось всё, что раньше толкало на бегство, т. е. смена обстановки, отсутствие родителей,

неопределённость... Я видел, что моему соседу всё это нравится, как и мне, стальные зрачки в оправе теперь были не такими холодными, как в автобусе, и он, как оказалось, даже умел улыбаться так, что улыбка его больше не выглядела как оскал. Вроде бы еда должна была немного нас отрезвить: несмотря на то что всё было дико острым и надо было шумно дышать после каждого глотка или куска открытым ртом, сквозь весь этот огонь специй пробивался советско-столовский дух старых тряпок, еда была неважная, прямо скажем, но нас это не расстроило. Что ли, для поддержания морального духа, Артур там же — за столом — рассказал мне, человеку не очень-то бывалому в этом смысле, о том, насколько бывает в этой жизни хуже. В одном из пионерлагерей он выловил рыбий скелет из тарелки с молочным супом. Суп представлял собой молоко, налитое в тарелку, крупы в нём почти что не чувствовалось, зато скелет был крупным, чёрным и целым, и что-то было в нём такое «сюрреальное», по словам Артура... Что больше в той столовой ноги его не было. Когда его дружки — а они за компанию голодали вместе с Артуром и не ходили в столовую, и вот когда они окончательно проголодались, то перелезли через ограду и пошли охотиться на кур, которые бегали по соседнему посёлку, Артур описал «паниковские» сцены их охоты... А потом сказал, что он был единственным, кто смог скрутить курице шею, остальные спасовали. Может быть, ещё тогда он придумал этот психотренинг, который однажды устроил для своих пациентов, но я не буду больше перескакивать с места на место через десятилетия, мы сидим с Артуром в столовой, недалеко от гостиницы, еда там чуть лучше, чем в среднем по стране, по крайней мере, имеются хачапури с чаем, но главное заключается не в этом. «Там были булочки и девочки!» Вот-вот, по-моему, мы уже не одни. Опять же я не могу теперь вспомнить, в какой момент мы с ними заговорили, не в автобусе точно, хотя уже там посматривали, но вот были ли они рядом во время первого похода в ту столовую, что за углом... Да, кажется, были. Потому что случай, который рассказала одна из них... имён я, правда не вспомню, ну пусть будет Лариса... Случай из жизни был рассказан Ларисой в ответ на «молочный суп с рыбьим хребтом» Артура, а вряд ли он стал бы это рассказывать в моём присутствии второй раз и вряд ли Лариса вот так вот, с бухты-барахты, в первые же минуты знакомства поведала бы нам, как она в детском садике нашла в ломте белого хлеба чёрный шнурок от ботинка. Это привело её в ужас, потому что в первый момент ей показалось, что это червяк. Потом мы обсуждали, как шнурок от ботинка, или от туфли, мог попасть в буханку белого хлеба, неужели тесто ногами месили? Артур, морща лоб, сказал, что читал когда-то о подобных находках в газетах, только там были золотые кольца, перстни, — Лариса, вздохнув, сказала, что ей с детства не везёт, на что её подруга, допустим, Ольга — рассмеялась и сказала как-то чересчур многозначительно, но, в общем, по-дружески: «Да ладно, это тебе-то жаловаться!»

Эти подробности общепита из повести “В роли доктора” я перенёс сейчас [отсюда](#).

Повесть там идёт после страницы 320. Из пяти повестей книги она единственная не публиковалась до книги в периодике и в сети её нет, соответственно, помимо книги в указанной библиотеке, где до неё надо ещё дойти, она там последняя, а не всякая даже редчайшая птица... Я это всё к тому, что такая длинная цитата в новом как бы произведении

в каком-то смысле оправдана.

Выбор же лягушачьего, а не рыбьего скелета, был сделан не без влияния притчи о двух лягушках: эта, надо полагать, недостаточно барахталась.

3.

